

Костя Пластилинов

Амур
на краю
пропасти

18+

Костя Пластилинов

Амур на краю пропасти

«Автор»

2025

Пластилинов К.

Амур на краю пропасти / К. Пластилинов — «Автор», 2025

В центре повествования — Джерри Стоун, человек, погруженный в пучину горя после трагической гибели возлюбленной в авиакатастрофе. Его жизнь превращается в череду серых дней, пока в ней не появляется загадочный Джон Мейтон — странный новый коллега с необычными способностями.

© Пластилинов К., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава первая: Дорога зовет в путь	5
Глава вторая: Душа в потемках	12
Глава третья: Доверие еще не потеряно	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Костя Пластилинов

Амур на краю пропасти

Глава первая: Дорога зовет в путь

Зашел один человек в будку
и исчез. Зашел другой
– и исчезла будка.

Джерри Стоун бродил по плиточным дорожкам ночного сада, словно призрак, затерявшийся между мирами. Лунный свет, пробиваясь сквозь листву, рисовал на земле причудливые узоры – то ли карты временных путей, то ли письма забытого языка. В воздухе висел запах влажной земли и прелой листвы, а где-то вдали монотонно стрекотали цикады, будто отсчитывая секунды его застывшего горя.

В руке он сжимал камень, отколотый от полуразрушенного забора – холодный, шершавый, как осколок его разбитых надежд. Но сейчас Джерри не катал его в ладони, не искал в этой манипуляции ответа. Вместо этого он замер, прислушиваясь к тишине.

Мысли кружились в голове, словно листья в осеннем вихре. Агнесс... Её образ то возникал перед глазами, то растворялся в ночной тьме – и каждый раз уносил с собой что-то важное. Он до сих пор слышал её смех: тот самый, с лёгкой хрипотцой, когда она рассказывала нелепые истории о том, как в детстве пыталась научить воробьёв танцевать. Два года их отношений оборвались в одно мгновение – авиакатастрофа, словно безжалостный жнец, скосила все мечты о будущем. Сегодня похороны. Сегодня день, когда нужно поставить точку в истории, которая так и не успела стать их собственной легендой.

Внезапно в кустах что-то зашуршало. Стоун подпрыгнул, сердце сжалось в комок. Прищурившись, он разглядел белого соседского котёнка – тот мяукнул и юркнул в темноту, будто гонимый невидимым ветром.

– Ну и ночь... – пробормотал Джерри, тяжело вздохнув. Он сунул камень в карман джинсов, и тот лёг там тяжёлым грузом, напоминая о чём-то неотвратимом.

Он направился к дому, но замер на полпути. Плитки под ногами казались ему то дорожкой в прошлое, то мостом в новую, незнакомую жизнь – и ни один из путей не манил его.

За спиной раздался вскрик. Тихий, прерывистый, будто кто-то долго сдерживал дыхание и наконец сдался. Между ветвями яблони мелькнуло бледное пятно – силуэт, склонивший голову в таком же безысходном горе, как и он сам.

Стоун резко обернулся. В кустах, окутанный тенью, стоял парень в строгом костюме с галстуком. Его глаза сияли ярко-фиолетовым светом, словно два миниатюрных солнца, упавших с ночного неба. Листья кустов скрывали остальное, но Джерри чувствовал – перед ним нечто... иное.

Парень свистнул, обнажив белые клыки, и медленно двинулся вперёд, нашептывая что-то на языке, которого Стоун никогда не слышал. Слова звучали как шёпот ветра, как звон разбитых стёкол, как эхо из иного измерения – и в такт им дрожали листья на кустах, будто вторя неведомым заклинаниям. Воздух вокруг незнакомца мерцал, искажая очертания теней, а его глаза светились тусклым фиолетовым светом, словно угольки потухающего костра.

– Боже! Как же ты мне надоел, скотина! Хватит уже появляться в моём саду! – выкрикнул Джерри. Он не смотрел на пришельца – только чувствовал, как по спине ползёт ледяной озноб. Не глядя, швырнул в незнакомца камень и бросился к дому.

Плитки дорожки мелькали под ногами, словно кадры из ускоренной киноплёнки. Кроссовки скользили по росе, оставляя тёмные следы на сером камне. Добежав до входной двери, он оглянулся. Камень медленно катился обратно к кустам, будто притянутый невидимой силой, и его стук о плитку звучал, как отсчет последних секунд.

Широко распахнув дверь, Джерри захлопнул её, дважды провернул ключ, включил свет на веранде, а затем и во всей квартире. Лампочки вспыхнули с резким щелчком, разгоняя тени по углам. Свет разгонял тени, но не мог прогнать тьму, сгустившуюся в его душе – она пульсировала в такт сердцебиению, тяжёлая и липкая.

К депрессии прибавился гнев – горячий, жгучий, как раскалённый металл. Он метался по квартире, сжимая кулаки до боли в костяшках. В ушах звенело, а перед глазами мелькали обрывки воспоминаний: вот Агнесс смеётся, прикрывая рот ладонью, вот она поправляет прядь волос, вот...

Он схватил сигарету, повертел в пальцах, ощущая шероховатость фильтра, швырнул на стол, потоптал ногой, оставив на полу тёмный мазок табака. Затем, обессиленный, опустился на край дивана, закрыл лицо руками. Ладони пахли камнем и влажной землёй – запахом сада, который больше не был убежищем.

Сегодня похороны Агнесс.

А ведь их отношениям исполнилось бы ровно два года... В этот день они планировали поехать к морю.

После церемонии погребения Джерри не поехал на поминки. Он направился домой – туда, где реальность, пусть и искажённая, всё же имела хоть какие-то очертания.

Лето. Жара. Но в душе Стоуна царила зима.

По пути он размышлял о том странном парне. «Он, конечно, не собирается причинять мне вред, а то бы давно прикончил», – думал Джерри, снова глядя в памяти на его фиолетовые глаза и белые клыки. Перед глазами мелькнул момент исчезновения: как незнакомец высоко прыгнул на крышу соседнего дома и растворился в первых лучах утренней зари, будто сам поток времени поглотил его.

Джерри вздохнул, задернул занавеску. Сегодня его ждал тяжёлый день.

У Моники Линден было спокойно и уютно, как будто никаких странных парней с фиолетовыми глазами вовсе не существовало. Художница с серьёзным выражением лица поправляла что-то на картине, а Джерри, сидя в кресле, наблюдал за ней.

Сначала это было интересно. Потом – скучно. И чем дольше он сидел неподвижно, тем сильнее становилось ощущение, будто за ним кто-то наблюдает. Он нервно провёл ладонью по подлокотнику – дерево оказалось неожиданно холодным, словно покрытым инеем. «Глупости», – одёрнул он себя.

В тишине мастерской раздался резкий щелчок – Моника сменила палитру. Звук был такой, будто клацнули зубы. Джерри вздрогнул. «Нет, это просто нервы». Он сжал кулаки, стараясь сосредоточиться на мазках кисти Моники, но перед глазами снова и снова всплывал тот прыжок – как незнакомец взлетел на крышу, будто не зная земного притяжения.

– Ты весь дрожишь, – нахмурилась Моника, бросив на него короткий взгляд. – Может, чаю?

– Нет! – слишком резко ответил он.

И в ту же секунду перед ним возник тот самый парень. Стоял прямо между ним и холстом, ухмыляясь, демонстрируя белые клыки.

– Фу, скотина! – вырвалось у него.

– Что? – переспросила Моника, удивлённо приподняв бровь.

Её вопрос вывел Стоуна из транса. Он резко моргнул – видение исчезло. Сердце колотилось где-то в горле.

Он встал, обнял художницу, пытаясь придать голосу весёлость:

– А давай-ка пошалим!

Моника всё поняла. Конечно, Джерри не собирался шалить. Она мягко, но твёрдо отстранилась.

– Садись и не мешай мне работать!

Идея написать его портрет принадлежала Монике, и впервые за долгое время Стоун пожалел, что согласился.

Снаружи постоянно чесалось – то нос, то бровь. Внутри было пусто.

Он попытался сосредоточиться. Вспомнил, как вчера на балконе решил позагорать. Соседи считают его психом? Пускай! Но улыбка померкла. Ему вдруг показалось, что он снова встретился с Агнесс лицом к лицу, она ему улыбается и гладит его по волосам рукой.

Взгляд упал на пейзаж за окном: две худенькие сосенки тихо покачивались на ветру, а вдали белел одинокий полиэтиленовый пакет, кем-то забытый.

«Как мы похожи, – подумал Стоун. – Нас обоих бросили и забыли».

– Ну, всё, Джерри, почти готово. Можешь приходить завтра за картиной, – сказала Моника.

Она писала тушью – каллиграфия, блин!

Издав про себя радостный крик, Стоун поблагодарил её и отправился в парк. Воздух был пропитан запахом свежескошенной травы и сладкой ваты с ближайшей ярмарки, а где-то вдалеке слышался смех детей и скрип качелей.

В парке он купил колу – банка приятно холодила ладонь. Огляделся: все скамейки заняты. Лишь одна оказалась свободной наполовину. На ней сидел хмурый молодой человек, незнакомый Джерри. Уши были заняты наушниками, из которых доносились глухие ритмы электронной музыки – едва слышные, но ощутимые как вибрация в воздухе.

Стоун опустился рядом и невольно вздохнул. Звук получился громче, чем он рассчитывал, – и тут же пожалел об этом.

Парень резко глянул на него, снял наушники:

– Что-то не так?

Голос был насмешливым, словно эхом из другого измерения. В нём звучала странная уверенность, будто незнакомец знал что-то, чего не знал Джерри.

– Да нет, всё в порядке... – пробормотал Стоун, отводя взгляд.

Незнакомец убрал наушники в карман белых шорт-джинсов. Зелёные глаза холодно осмотрели Стоуна с головы до ног – медленно, оценивающе, будто сканируя каждую деталь. Затем парень снова надел наушники, давая понять, что разговор окончен.

Внезапно он замер, снова снял один наушник:

– Простите, мы с вами не знакомы?

– Н-нет, – промямлил Джерри, чувствуя, как внутри шевельнулось странное беспокойство.

– Супер! – произнёс незнакомец с преувеличенной радостью. – Очень рад!

Он встал, кивнул и неторопливо ушёл. В его походке было что-то царственное, высокомерное – он двигался так, словно парк принадлежал ему одному, а остальные были лишь случайными прохожими.

Джерри ухмыльнулся, пытаясь стряхнуть странное ощущение, и тоже решил уйти. Но, не пройдя и пары шагов, почувствовал на себе пристальный взгляд – тяжёлый, ощутимый, будто кто-то провёл пальцем по его спине.

Осмотрелся – вокруг обычные посетители парка: мама с ребёнком, пара пенсионеров на соседней скамейке, подросток с собакой. Никто не смотрел в его сторону. «Показалось!» – решил он.

Однако в следующее мгновение ощущение усилилось. Кто-то явно смотрел на его спину – так, что волоски на шее встали дыбом. Джерри резко обернулся, но увидел лишь пустую скамейку, на которой только что сидел незнакомец.

«Определённо я схожу с ума», – с грустью подумал Стоун, потирая затылок. Но где-то глубоко внутри зашевелилась мысль: «А если нет?»

На следующий день Джерри пришёл к Монике уставший и измождённый. Под глазами залегли тёмные круги, а в висках пульсировала тупая боль – всю ночь он маялся, вспоминая Агнесс. Её смех, её привычку поправлять прядь волос, её обещание «завтра будет лучше»... Всё это крутилось в голове, не давая уснуть.

– Вот, принимай работу, – улыбнулась художница, разворачивая холст.

Джерри сухо кивнул, едва взглянув на портрет. Он не вслушивался в её болтовню о технике мазков и игре света – мысли были далеко. Уже собираясь уходить, он машинально глянул на настенные часы, и тут же услышал:

– Ой, уже скоро три часа, а моя выставка, между прочим...

– Как три?! – вскричал Стоун, резко оборачиваясь. Сердце ёкнуло: он опаздывал на работу минимум на час.

Он мчался к зданию фирмы, как метеор, расталкивая прохожих и проклиная себя за то, что потерял счёт времени. В конторе его ждал сюрприз – и не из приятных.

Начальник, вопреки обыкновению, не стал отчитывать за опоздание. Вместо этого он объявил, широко разводя руками:

– У тебя появился новый коллега. Знакомься!

Перед Джерри стоял тот самый странный парень со скамейки! Тот самый, с насмешливым голосом и оценивающим взглядом. Джон Мейтон – так, кажется, его звали. Он стоял, небрежно прислонившись к стене, и разглядывал Джерри с едва заметной ухмылкой.

– Надеюсь, вы подружитесь, – улыбнулся начальник, явно не замечая напряжения между мужчинами.

Во взгляде Джона Мейтона читалось: «Наивный малый». Он даже не сделал попытки протянуть руку для рукопожатия – только чуть приподнял бровь, словно говоря: «Ну, посмотрим, кто кого».

Стоун был возмущён. Он проработал в фирме четыре года, прежде чем получил свой кабинет, – выгрызал его у бюрократии, доказывал свою ценность, терпел насмешки старших коллег. А этот новенький, едва переступив порог, уже обзавёлся им, не проработав и часа! В голове мелькнула горькая мысль: «Опять всё не по правилам...»

– Привет! Начинай работать! – бросил Джерри.

– А что делать?

– А что, начальство тебя не проинструктировало?

– Да вроде да, но что сегодня делать, не сказали.

– Ну, сходи за пивом!

– На работе не пью.

– И не куришь, что ли?

– Неа.

– Ну, тогда здоровеньким помрёшь! – расхохотался Стоун.

– Да я тебя ещё переживу! – ответил Мейтон и отправился к себе.

Джерри попытался начать работать. Достал белый лист бумаги, медленно начал писать: «Отчёт за второй квартал...»

Остановился. Буквы расплывались перед глазами, словно их размывло дождём. Он скомкал лист, выбросил в урну – и тот упал поверх других скомканных попыток.

Поглядел в окно. Скучное, серое небо нависло над городом, а люди с зонтиками, как букашки, бежали по тротуарам – маленькие, одинаковые, затерянные в своей спешке. Капли стучали по стеклу, отсчитывая секунды его бездействия.

Он вздохнул и увидел сквозь стеклянную панель, как новенький вышел из кабинета. Дверь осталась приоткрытой – узкая щель, манящая, как трещина в стене.

Джерри вдохнул побольше воздуха, наполняя лёгкие запахом пыли и старой бумаги, и влетел внутрь.

В кабинете было прохладнее, чем в коридоре – настолько, что дыхание вырывалось паром. Обстановка странная: куча барахла, кипа бумаг... и кое-где лежал снег. Не талый, не грязный, а чистый, искрящийся, будто его только что намело сквозь невидимую щель в реальности.

Стоун пошёл дальше. Становилось всё холоднее – не просто зимний мороз, а какой-то иной, пробирающий до костей, будто сама вечность дышала ему в спину. Снег под ногами становился глубже, хрустел странно, с металлическим отзвуком, словно это были не снежинки, а крошечные кристаллы времени, рассыпанные чьей-то небрежной рукой.

Он оглянулся – дверь, через которую он вошёл, исчезла. Стены кабинета расплывались, превращаясь в вихри белого сияния, кружащиеся, как страницы разорванных книг. Потолок растворился, и над головой раскинулось небо – но не летнее, а зимнее, звёздное, с луной, которая казалась слишком большой, слишком близкой, словно хотела коснуться его своим ледяным светом.

«Что за чертовщина...» – подумал Стоун, но даже мысль звучала приглушённо, как будто её поглощал этот странный снегопад, оседая на языке вкусом озона и чего-то древнего.

Он сделал ещё шаг – и провалился в сугроб по колено. Снег был не холодным. Он был горячим, как будто внутри каждого кристалла тлел крошечный уголёк. Джерри попытался отряхнуться, но снежинки прилипали к коже, оставляя на ней едва заметные светящиеся следы – будто временные метки, которые никуда не исчезнут.

– Это не снег... – прошептал он, разглядывая мерцающие узоры на ладони. – Это... время?

В этот момент он увидел его – Джона Мейтона. Тот стоял в центре снежного вихря, и его зелёные глаза пылали фиолетовым огнём. Но теперь в них не было насмешки – только странная, почти скорбная сосредоточенность, как у хранителя забытых эпох.

– Ты всё-таки нашёл путь сюда, – сказал Мейтон. Голос его звучал одновременно близко и издалека, будто доносился из разных эпох сразу, накладываясь сам на себя эхом несбывшихся разговоров.

– Куда «сюда»? – прохрипел Джерри, пытаясь сделать шаг вперёд, но ноги вязли в светящемся снегу, словно он шёл по застывающему меду. Каждая попытка двинуться вперёд требовала невероятных усилий, а следы тут же затягивались мерцающими кристаллами.

– В разрыв. В щель между мирами. В место, где время теряет смысл.

Мейтон поднял руку, и снег вокруг него расступился, образовав узкий проход, мерцающий, как поверхность жидкого зеркала. Воздух над ним дрожал, искажая очертания пространства.

– Я не хотел, чтобы ты пришёл. Но ты сам искал ответы.

– Ответы? На что?! – крикнул Стоун, чувствуя, как внутри закипает гнев, смешиваясь с отчаянием. – Ты избиваешь меня, преследуешь, а теперь ещё и таскаешь в какие-то снежные бредни?!

Джон медленно подошёл ближе. Теперь его глаза были снова зелёными, но в них мерцали отблески фиолетового пламени, пульсируя в такт с ритмом, который Джерри слышал где-то глубоко в сознании – будто тиканье часов, отсчитывающих упущенные возможности.

– Потому что ты виноват, Джерри. Ты и сам это знаешь.

– Виноват в чём?! В том, что Агнесс погибла?!

– Нет. В том, что ты не попытался.

Эти слова ударили сильнее кулака. Джерри пошатнулся, хватая ртом воздух, который вдруг стал густым и колючим.

Воспоминания нахлынули волной, и Джерри осознал: в тот момент он даже не задумался о том, чтобы остановить её. Не спросил, не боится ли она летать. Не предложил поехать вместе. Не нашёл ни одной причины задержать её хотя бы на час.

– Что ты несёшь... – прошептал он, но голос звучал слабо, неубедительно даже для него самого.

– Ты мог её спасти, – повторил Мейтон, и в его голосе не было злорадства, только холодная, беспощадная правда. – В тот день, когда она улетала, ты мог сказать: «Не лети». Ты мог задержать её на час, на два, и самолёт бы улетел без неё. Но ты промолчал. Потому что тебе было удобно думать, что всё сложится само собой.

Джерри почувствовал, как земля уходит из-под ног – не буквально, а так, будто рушится фундамент его мира. Он сжал кулаки, ногти впились в ладони, но даже боль не могла заглушить ту, что разливалась внутри.

– Это... это неправда, – выдавил он, но слова прозвучали жалко, как оправдание, которое он повторял себе каждую ночь.

– Правда, – спокойно ответил Мейтон. – И ты знаешь это. Иначе зачем бы ты искал меня? Зачем бы пришёл сюда?

Снежный вихрь вокруг них закрутился быстрее, звёзды над головой замигали, как гаснущие огни, а луна на мгновение стала багровой, окрашивая всё вокруг в цвет вины.

– Ты лжёшь... – прошептал он.

– Посмотри.

Мейтон протянул руку. В его ладони вспыхнул крошечный шар света, и внутри него Джерри увидел... себя.

Вот он стоит у окна, смотрит, как такси увозит Агнесс в аэропорт. Вот он берёт телефон, набирает её номер, но тут же откладывает трубку – «Она же в машине, не стоит отвлекать». Вот он садится в кресло, включает телевизор, думая: «Всё будет хорошо».

– Это... неправда... – голос Джерри дрогнул.

– Правда. Просто ты её не видел. Потому что не хотел видеть.

Снег вокруг них начал таять, но не превращался в воду – он испарялся, оставляя после себя мерцающие нити, похожие на паутину из звёздного света.

– Кто ты? – спросил Стоун, чувствуя, как в груди разгорается огонь – не гнев, а что-то большее. – Что ты такое?

– Я? – Мейтон улыбнулся, и на мгновение его зубы снова сверкнули белизной, но теперь это не выглядело угрожающе. – Я – тот, кто помнит. Я – тень того, кем ты мог стать.

– Не понимаю...

– Когда-то я тоже потерял того, кого любил. И я не промолчал. Я боролся. Но время не прощает ошибок. Оно дало мне силу – но лишило всего остального. Теперь я существую между мирами, между минутами, между вдохами. Я вижу, как люди упускают шансы, и иногда... иногда я даю им второй шанс.

– Почему я?! – выкрикнул Джерри, теряя самообладание. – Почему именно мне выпало это безумие?!

– Потому что только ты можешь её вернуть, – твёрдо ответил Мейтон, шагнув ближе.

– Не смей меня! Агнесс мертва! Я же был на ее похоронах!

– Фото, некролог, похороны – это иллюзии этого мира, – отрезал Джон. – Её сознание не исчезло. Оно переместилось в параллельную реальность в момент катастрофы – как спасательный круг, брошенный самой вселенной.

– Параллельную реальность... – Джерри схватился за голову. – Это бред!

– Бред – это сидеть сложа руки, когда она застряла между мирами! – Мейтон схватил его за плечо. – Она там, Джерри. Живая. Но без тебя она не найдёт дорогу обратно. И пока ты жив, есть шанс её вытащить.

Ветер взвыл, и нити света вокруг них начали сплетаться в причудливый узор – карту, но не земли, а времени. Джерри увидел множество линий, пересекающихся, расходящихся, обрывающихся. Одна из них горела ярче остальных – его собственная.

– Вот твой путь, – сказал Мейтон, указывая на неё. – Ты можешь идти дальше, как шёл, и однажды окажешься там же, где я – в пустоте между мирами. Или... можешь сделать шаг в сторону.

– Какой шаг?

– Вернуться. Не в прошлое – это невозможно. Но вернуться к себе. К тому, кем ты был до её смерти. К тому, кто мог любить, а не оплакивать.

Джерри закрыл глаза. Перед ним снова возникло лицо Агнесс – не мёртвое, не в гробу, а живое, смеющееся, с этими её вечно растрёпанными волосами и улыбкой, от которой становилось тепло.

– Я... я не знаю, смогу ли...

– Сможешь. Если перестанешь винить себя. Если позволишь себе жить.

Фиолетовый свет в глазах Мейтона погас. Теперь он выглядел почти обычным человеком – усталым, немного грустным, но... живым.

– А ты? – спросил Джерри. – Что будет с тобой?

– Я исчезну. Или изменюсь. Время не терпит постоянства.

Снежный вихрь начал рассеиваться. Кабинет вернулся – обычный, с аккуратно разложенными бумагами, без единого следа снега.

– Помни, – прошептал Мейтон, отступая назад. – Время – это не враг. Это возможность.

И он растворился в воздухе, оставив после себя лишь лёгкий запах озона и едва заметный след фиолетового света.

Джерри очнулся у себя в офисе. Часы показывали 18:45 – до выставки Моники оставалось всего 45 минут.

Он провёл рукой по лицу – никаких синяков, никаких следов побоев. Только странное ощущение тепла в груди, будто внутри него зажгли крошечный огонь.

Стоун встал, подошёл к окну. Дождь перестал, и первые лучи закатного солнца пробивались сквозь тучи, окрашивая город в золотые и розовые тона.

– Время – это возможность, – повторил он вслух.

И впервые за эти три дня он улыбнулся.

Глава вторая: Душа в потемках

Моника Линден нервно поправила прядь волос, глядя на своё отражение в витрине галереи. «Неужели прошло уже два года с момента моего появления в этом месте? Как же быстро летит здесь время, все никак не привыкну» – мелькнуло в голове. Она запомнила, как Джерри из этой реальности, сгорбившись, стоял у могилы, как слезы текли ручьем по его лицу – тот самый милый Джерри, который когда-то убедил её, что она художница, а не продавщица перчаток.

Выставка открылась ровно год после тех событий, что Монике пришлось пройти, чтобы остаться тут. В воздухе витал запах свежей краски и дорогого шампанского – контрастное напоминание о том, что жизнь продолжается. На главной стене висела реплика «Вре́мён года» Альфонса Мухи, а рядом – её собственные работы: «Девушка с розой» и «Дама в саду». Фото-репортёры щёлкали камерами, но Моника ловила себя на мысли, что ищет в толпе его. Того самого, которого она знала много лет, но в этой реальности ей еще предстояло познакомиться по-настоящему.

– Джон! – окликнула она, заметив шатена с лёгким красным отливом в волосах и пытаясь придать своему голосу наигранную веселость. – Как же я рада, что вы пришли.

Он обернулся, и на мгновение его зелёные глаза будто вспыхнули фиолетовым – похоже, ее судьба будет совсем скоро предreshена.

– Мисс Линден, – кивнул Мейтон. – Ваша выставка... впечатляет. Но мне нужно идти по делам, прошу меня простить.

– Подождите! – Моника шагнула ближе, не решаясь сказать главное. – Джерри говорил, вы разбираетесь в искусстве. Что думаете о «Даме в саду»?

Джон замер. В его взгляде промелькнуло что-то неуловимое – осознание прошлого? Вина за то, что ему предстоит сделать?

– Она... одинока, – тихо произнёс он. – Как и вы.

Моника вздрогнула. Неужели он действительно сделает это?

– Вы о чём?

– О том, что вы рисуете людей, но боитесь их видеть. – Он сделал паузу. – В отличие от меня.

Прежде чем она успела ответить, в зал ворвался Джерри – взъерошенный, но с улыбкой.

– Ну что, художники, обсуждаете вечное? Джон, ты опять пугаешь людей своими загадками?

– Просто констатирую факты, – пожал плечами Мейтон.

Джерри подмигнул Монике:

– Да не обращай на него внимания, он у нас всегда такой. Раньше вот вообще был как дикарь, однако после нашего близкого знакомства стал... человечнее.

Эти слова застряли в памяти Монике. «Человечнее» – значит, это и правда он?

Дорога домой лежала через тёмный парк. Моника куталась в шаль, вспоминая слова Джона. Тропинка виляла между старыми дубами, их ветви сплетались над головой, превращая лунный свет в рваные лоскуты на земле. Тишину нарушал лишь хруст необрушенных листьев под её каблуками да далёкий гул города, который здесь, в глубине парка, звучал приглушённо, почти нереально.

Внезапно впереди замаячили тени – трое мужчин, вышедших из-за кустов. Они перегородили тропинку, медленно приближаясь, загоняя Моника в тупик между оврагом и густым кустарником.

– Эй, красотка! – хриплый голос разрезал тишину, принадлежавший высокому мужчине с тяжёлым подбородком и грязным шарфом на шее. – Не торопись так. Есть что ценное?

Она замерла. Сердце колотилось, как пойманная птица, а во рту пересохло. Пальцы судорожно сжали край шали.

– У меня... нет ничего ценного, – выдавила Моника, отступая на шаг.

– О, мы сами посмотрим, – ухмыльнулся второй, с жёлтыми зубами, делая резкий выпад вперёд.

Он схватил её за запястье, пытаясь сдёрнуть кольцо. Моника вскрикнула, рванулась в сторону – и в этот миг...

– Уходите.

Тихий, но твёрдый голос. Из-за дерева выступил Джон. В лунном свете его глаза снова мерцали фиолетовым, а лицо оставалось абсолютно спокойным, будто он наблюдал не за нападением, а за игрой теней.

Бандиты переглянулись.

– А ты ещё кто такой? – прорычал высокий, отпуская Монику, но не отходя.

Джон не ответил. Он просто шагнул вперёд – плавно, без угрозы, но так, что все трое инстинктивно напряглись.

Первый удар нанёс «жёлтозубый» – резкий, размашистый, нацеленный в челюсть. Джон чуть отклонился, и кулак просвистел мимо. В тот же миг его локоть врезался в солнечное сплетение нападавшего – тот охнул и согнулся.

Высокий бросился сбоку, пытаясь схватить Джона за шею. Тот перехватил его руку, вывернул запястье с хрустом – бандит взвыл, отшатнулся, потирая кисть.

Третий, до этого державшийся позади, схватил увесистую ветку и замахнулся. Джон увернулся, ветка просвистела в сантиметре от его плеча. Он сделал подсечку – нападавший рухнул на землю, выронив импровизированное оружие.

– Не стоило сюда приходить, – произнёс Джон холодно, глядя на них сверху вниз.

Его глаза вспыхнули ярче, и на мгновение тени вокруг них дрогнули, словно искажаясь. Бандиты, уже поднимавшиеся на ноги, замерли. Один из них перекрестился, бормоча что-то о нечистой силе.

Не говоря больше ни слова, все трое бросились прочь, топчя сухие листья и спотыкаясь о корни.

– Вы... – Моника схватила его за рукав, её руки дрожали. – Как вы здесь оказались?

– Случайно, – он отстранился, но на этот раз мягко, без резкости. – Или нет. Время – странная штука, Моника. Иногда оно ведёт нас туда, где мы нужнее всего.

Она смотрела на него, пытаясь унять дрожь. В голове не укладывалось: один человек против троих – и ни царапины на нём. Ни сбитого дыхания, ни даже расстёгнутой пуговицы на пальто.

– Но... как вы их остановили? Это было... так эффектно.

Джон улыбнулся краешком губ, но ничего не ответил. Лишь кивнул в сторону выхода из парка:

– Идёмте. Здесь больше не безопасно.

И пока они шли, Моника всё оборачивалась, глядя на тропинку позади. Ей казалось, что тени вокруг ещё дрожат, словно отголосок чего-то необъяснимого.

Моника и Джон неторопливо шли по набережной, где фонари отбрасывали тёплые круги света на мокрый после дождя асфальт. Вдалеке мерцали огни города, а река неспешно несла свои тёмные воды под арками мостов.

– Знаешь, – начала Моника, глядя вперёд, – поначалу я боялась этой реальности. Земли 1. Всё казалось чужим: запахи, звуки, даже воздух... Но сейчас... – она улыбнулась, – мне тут нра-

вится. Я нашла студию, начала писать новые картины. Даже придумала серию – «Тени параллельных миров». Глупо звучит, да?

Джон шёл молча, засунув руки в карманы пальто. Лишь на миг его губы дрогнули в намёке на улыбку.

– Не глупо, – ответил он сдержанно. – Ты всегда умела видеть то, что скрыто.

– И люди здесь... другие. Не такие, как Амуры. Более... открытые, что ли. Я даже завела друзей. Настоящих, – она взглянула на него, ожидая реакции.

Джон остановился, повернулся к перилам, устремил взгляд на воду. Его профиль чётко вырисовывался в свете фонаря – острый, напряжённый, словно высеченный из камня.

– Это хорошо, Моника, – произнёс он тихо, но в голосе не было радости. – Но это всё равно не исправит того, зачем я сюда пришёл.

Она замерла.

– Почему именно ты...? – спросила осторожно, шагнув ближе.

Он не ответил сразу. В воздухе повисла пауза, наполненная далёкими гудками паровозов и шорохом ветра в ветвях.

– Есть вещи, которые нельзя изменить простым счастьем, – сказал он наконец, не оборачиваясь. – Даже твоим. Даже здесь.

– Но... – Моника хотела спросить ещё кое-что, то, что давно вертелось на языке: «Почему именно тебе поручили исполнить приговор? Ты же мог отказаться» – но не успела.

Джон резко повернулся к ней. На мгновение его глаза снова вспыхнули фиолетовым – так ярко, что она невольно отступила.

– Пора идти, – бросил он.

– Подожди! – воскликнула она, протянув руку, но пальцы схватили лишь пустоту.

Он исчез. Просто... растворился в воздухе, как будто его и не было. Только лёгкий вихрь листьев пронёсся по набережной да дрогнул свет фонаря, будто от сквозняка.

Моника стояла, протянув руку в пустоту, и сердце её колотилось от странного сочетания облегчения и тревоги.

«Не исправит того, зачем он сюда пришёл...» – эхом отозвались в голове его слова.

Зачем он согласился? Почему именно сейчас? Что изменилось?

Она хотела спросить больше, но он уже растворился в темноте.

На следующий день Моника решила развеяться и отправилась в небольшой парк неподалёку от своей студии. Было раннее утро, солнце только золотило верхушки деревьев, а воздух пах свежестью и молодой листвой.

Она устроилась на скамейке с эюдином, достала кисти и начала набрасывать пейзаж – плакучую иву у пруда, в ветвях которой уже возились воробьи. Работа шла легко, мысли текли плавно, и Моника невольно запела песню своего народа – негромко, но чисто, старую детскую песенку, которую когда-то напевала ей бабушка.

Вскоре рядом остановилась маленькая девочка лет пяти с огромным воздушным шаром в форме единорога.

– Красиво рисуете, – сказала малышка, заглядывая через плечо Моника.

– Спасибо, меня обучали только самые лучшие мастера! Хочешь, нарисую тебе что-нибудь на память? – улыбнулась художница.

Девочка кивнула, сияя глазами. Моника быстро набросала на отдельном листе смешного ёжика с яблоком на иголках.

– Это Ёжик Тимка! – тут же придумала имя девочка. – Он любит яблоки и дружить!

– Отлично! – рассмеялась Моника. – Тогда держи, Тимка твой.

Девочка обняла её за колено, пробормотала «спасибо!» и побежала к маме, которая махала ей из-за ларька с кофе.

– Вы очень добры к детям, – заметила женщина, подходя ближе. – Она у меня стеснительная, обычно ни с кем не разговаривает.

– Дети – это маленькие мудрецы, – подмигнула Моника. – Просто нужно говорить с ними на их языке.

Женщина улыбнулась, достала из сумки печенье в клетчатой упаковке:

– Угощайтесь. Мы как раз на пикник собирались. Присоединитесь?

И вот уже через пять минут Моника сидела на плече у пруда, пила горячий шоколад из термоса, слушала болтовню девочки о том, как единорог умеет делать радугу из конфет, и смеялась так искренне, что даже забыла о своих тревогах.

Когда они прощались, малышка протянула ей смятый листок с корявым рисунком – солнце, дом и две фигурки, держащиеся за руки.

– Это мы! – объяснила она. – Чтобы вы не забывали, что здесь вас любят.

Моника бережно спрятала рисунок в этюдник.

– Обязательно буду помнить, – прошептала она, глядя вслед уходящей семье.

В этот момент её телефон завибрировал – пришло сообщение от Джерри: «Ты где? Я принес тот чай, что ты любишь, и свежие круассаны. Жду у студии!»

Моника взглянула на часы – и ахнула:

– О нет, я же опаздываю!

Она быстро собрала краски, перекинула этюдник через плечо и, уже убегая, обернулась к пруду. Солнце теперь стояло высоко, и его лучи рассыпались по воде золотыми монетами.

«Как же хорошо здесь, – подумала она. – Даже лучше, чем я ожидала».

Три дня спустя в мастерской Моника пахло скипидаром и кофе. Она набросала портрет Джона – пока лишь контуры, но уже чувствовалась глубина.

Звонок.

– Это Джерри, – раздался в трубке знакомый голос. – Моника, ты в порядке? Джон... он пропал.

– Пропал? – Её рука дрогнула, оставив чёрную кляксу на холсте.

– После нашего знакомства. И ещё... – Джерри запнулся. – Я видел его в своём кабинете. Он стоял там, как призрак, и говорил: «Я не могу остаться. Время тянет меня обратно».

Моника взглянула на незаконченный портрет. В глазах Джона, нарисованных углём, теплился фиолетовый отблеск.

– Джерри, а ты помнишь, что он сказал в финале нашей встречи?

– Что мы оба боимся видеть людей. – Стоун вздохнул. – Слушай, я знаю, это звучит безумно, но... может, он – часть того, что случилось со мной?

Моника молчала. Перед глазами встало видение: кладбище, руки, сжимающие её горло, и голос: «Теперь ты понимаешь, что это значит – нарушить закон».

– Моника? – тревожно позвал Джерри.

– Я в порядке, – она сглотнула. – Просто... думаю, нам нужно найти его. Пока не стало слишком поздно.

Вечером того же дня Джон стоял у окна своей квартиры, наблюдая, как закат окрашивает город в цвета её картин – розовый, золотой, лиловый. Здания вспыхивали тёплым светом, словно покрытые глазурью, а тени удлинялись, сплетаясь в причудливые узоры на мостовых.

– Ты не можешь вечно убегать, – прошептал он, касаясь прохладного стекла ладонью. Его отражение дрогнуло в стекле, но Джон не обратил на это внимания – он смотрел сквозь себя, туда, где за горизонтом таилась неразрешимая задача.

Затем он обернулся – и замер.

Прямо перед ним, в массивной резной раме старинного зеркала, висевшего напротив окна, отражался... он сам. Но не тот Джон, что стоял сейчас в комнате.

Этот двойник был иным. Его глаза пылали насыщенным фиолетовым светом, будто внутри них горели далёкие звёзды. Кожа мерцала, как звёздная пыль, рассыпающаяся в невесомости, а контуры фигуры слегка дрожали, словно он существовал сразу в нескольких плоскостях реальности.

– Ты знаешь, что должен сделать, – произнёс двойник, и голос его звучал эхом – одновременно из зеркала и где-то глубоко в сознании Джона.

– Оставить её в покое, – ответил Джон, сжимая кулаки так, что костяшки пальцев побелели. – Но я не могу. Она нарушила закон, поселившись здесь.

– И это её погубит, – повторил двойник, медленно шагнув вперёд. Его отражение вышло за пределы рамы, ступив на пол комнаты. Теперь он стоял напротив Джона – такой же и в то же время совершенно другой. – Амуры на краю пропасти не терпят нарушителей. Не ты исправишь ситуацию, так кто-нибудь другой.

Джон с трудом сглотнул. Он знал, что двойник говорит правду – ту, от которой он так долго пытался скрыться.

– А если есть другой путь? – возразил он, но голос дрогнул.

Двойник покачал головой, и в его фиолетовых глазах мелькнуло что-то похожее на сожаление.

– Пути без жертв не бывает. Ты знал это, когда пришёл сюда. И она тоже знала.

Джон хотел ответить, возразить, найти лазейку в этой железной логике, но вдруг осознал: он больше не видит своего отражения в зеркале. Только собрание древних Амуров – тех, кто принял решение за него.

Они улыбнулись ему едва заметно. Поверхность пошла рябью, как вода, и через мгновение в раме снова отразилась лишь комната – пустая, тихая, освещённая последними лучами заката.

Джон остался один.

Он медленно подошёл к зеркалу и приложил ладонь к холодному стеклу. Ни намёка на то, что здесь только что происходило. Но в груди, глубоко под рёбрами, пульсировала тяжесть – тяжесть неизбежного выбора.

В этот момент в дверь постучали.

На пороге стояла Моника – с папкой эскизов и дрожащей улыбкой.

– Я принесла наброски. И... я знаю, кто ты.

Джон почувствовал, как реальность трещит по швам. Фиолетовый свет в его глазах вспыхнул ярче.

– Тогда ты знаешь, что будет дальше, – сказал он, делая шаг назад.

– Нет, – Моника протянула руку. – Я знаю, что мы можем изменить это. У Агнесс получилось, и у меня получится.

Двойник рассмеялся – звук был похож на звон разбитого стекла.

– Глупая человеческая надежда.

Но прежде чем он успел исчезнуть, Моника схватила Джона за запястье. На её ладони проступил светящийся узор – тот же, что Джерри видел в снежном вихре.

– Время – это возможность, – прошептала она.

Фиолетовый свет погас. Двойник растаял в воздухе, оставив лишь запах озона.

Джон посмотрел на Моника. Его глаза были просто зелёными.

– Что ты сделала?

– Напомнила времени, что оно тоже может ошибаться, – она улыбнулась. – Теперь давай закончим твой портрет. Пока ты ещё здесь.

На следующий день Моника работала над портретом до позднего вечера. Когда она отложила кисть, чтобы сделать перерыв, в комнате стало... холоднее.

Сначала она не придавала этому значения. Но вскоре заметила: плитка на стенах покрывается инеем. Вода в стакане у мольберта замерзала на глазах.

– Что за... – она вскочила, потянулась к выключателю.

Свет моргнул и погас.

В темноте что-то шевельнулось. Моника почувствовала прикосновение – ледяное, но странно знакомое.

– Ты понесла наказание за свое нарушение, – прошептал голос, в котором смешались интонации Джона и того двойника. – Теперь тебя стерли из всех реальностей.

Она попыталась закричать, но голос пропал. Тело онемело. Последнее, что она запомнила – фиолетовые глаза, приближающиеся к ней, и ощущение, будто её растворяют в вечности.

Джерри нашёл её на рассвете.

Моника лежала на полу мастерской – бледная, с застывшей улыбкой. В руке она сжимала незаконченный портрет Джона. На холсте его глаза были ярко-фиолетовыми.

– Моника... – он опустился рядом, коснулся её ладони.

На полу, рядом с её рукой, мерцал светящийся узор. Теперь он медленно таял, словно песок сквозь пальцы.

Джерри поднял портрет. В раме отражалось утреннее солнце – обычное, земное, без мистического отблеска.

В кармане он нащупал камень, который когда-то швырнул в незнакомца в саду. Теперь тот был гладким, как отполированный морем.

Он посмотрел в окно. По небу плыли облака, похожие на мазки кисти – то ли начало новой картины, то ли карта неизведанных миров.

Где-то вдали, в потоке времени, Джон Мейтон закрыл глаза. Фиолетовый свет на мгновение угас, переставая намекать на его настоящую суть.

Глава третья: Доверие еще не потеряно

«Истина – в нас самих, она не боится света».

(Поговорка, найденная в дневнике Агнесс Мёрфи)

«Он не маньяк. Просто у него совсем другое мышление».

(Из переписки Агнесс с Эллисон, удалённой после инцидента)

– Ну что? – Агнесс шагнула в кабинет, с шумом запахивая промокший плащ. Капли дождя со звоном осыпались на пол. – Есть новые жертвы?

Эллисон вздрогнула, будто её выдернули из глубоких раздумий. Пальцы нервно затеребили край блокнота – тот самый, с потрёпанными углами, где она записывала всё подозрительное.

– Да... – голос прозвучал приглушённо. – Арни Митчелл, 43 года, банкир. И Моника Линден, 27 лет, художница.

Агнесс замерла у окна, услышав знакомое имя. За стеклом дождь рисовал на стекле хаотичные узоры – то ли карты неведомых земель, то ли шифр, который она никак не могла разгадать.

– Похоже, он продолжил замечать следы нарушителей, – пробормотала она, пальцы скользнули по влажному стеклу. – Сколько себя помню, никто не мог его понять его мотивов. Как только кто-то приближается слишком близко... – она резко провела рукой по горлу, – убийство. Скандал. Загадки. И всегда одни и те же обстоятельства. Пропавший Амур. Неожиданная смерть. И полное отсутствие следов.

Потому что Джон не просто убивает. Он стирает. Стирает тех, кто предпочёл человеческую жизнь. Тех, кто влюбился, завёл семью, начал мечтать по-человечески. Они нарушают закон – и он становится их судьёй.

– А ты не боишься, что он тебя... того? – Эллисон понизила голос до шёпота, будто стены могли подслушать.

– Нет, – Агнесс выпрямилась, и в её глазах вспыхнул странный свет – не гнев, а что-то более острое, почти электрическое. – Я знаю, что я буду делать, если он и до меня доберется. Здесь, на Земле 3, Джон Мейтон от меня не отвернется. У меня есть один способ – и я обязательно его использую.

Пауза. Где-то за окном раскат грома, будто эхо её слов.

– Кстати, о женихах... – Эллисон неловко улыбнулась, пытаясь разрядить напряжение. – А как Джерри? Всё ещё молчит?

– Ха! – Агнесс рассмеялась, но смех прозвучал сухо, как сломанная струна. – Какой он мне жених? Он даже слова «люблю» не произнёс. Ты ещё Томаса вспомни! – она фыркнула, но в глазах мелькнула тень. – Тот вообще исчез, будто его и не было.

В дверь постучали – резко, будто кто-то торопился.

– Мисс Мёрфи? Вас ждут, – в проёме показался Барни Уинстон, её помощник. Обычно бодрый, сегодня он выглядел так, словно тащил на плечах груз всех нераскрытых дел. – Там... это... снова «когти».

– Уже иду, – Агнесс резко повернулась, плащ взметнулся, как крыло. – И не вздумай говорить, что это совпадение.

Барни молча кивнул. В его взгляде читалось: «Мы оба знаем, что это не просто убийства». За окном дождь усилился, смывая последние следы солнца.

В машине Барни заговорил первым, барабанив пальцами по рулю:

– Орудие убийства то же. На Земле 3 Мейтон использует когти. – Он покосился на Агнесс. – Снова эти... чёрные отметины. Словно не ножом, а чем-то живым.

Агнесс провела пальцем по запотевшему стеклу – след тут же растёкся, будто слёзы.

– Раньше он душил. Или распарывал животы мечом. Почему смена метода? – Она резко обернулась. – Ты ведь чувствуешь, Барни? Это не просто убийства. Это предупреждение.

Барни сглотнул. Дождь за окном стучал по крыше, отбивая странный ритм – будто кто-то считал секунды.

– Жертвы – женщины, мужчины, ему все равно, с кем бороться. У каждого свой скелет в шкафу, – он говорил быстро, словно боялся, что слова улетучат в шум дождя. – Линден... кроме законного мужа у неё было трое друзей: Эрнст Стивенсон, Стефан Поузи, Николас Деймур, они тоже погибли. . И... – он понизил голос до шёпота, – у Моники был ребёнок.

– Интересно, – Агнесс прищурилась. – Где ребёнок сейчас?

– Исчез. За неделю до убийства. – Барни сжал руль. – Как будто кто-то... стёр его из реальности.

Молчание. Только капли стучат по стеклу – тук-тук-тук.

– Она пыталась начать новую жизнь. Организовала выставку, – Барни замолчал, глядя на дорогу. – Вы ведь знаете это, мисс Мёрфи.

– Знаю, – отрезала она. – Но почему именно сейчас? Почему он выбрал её?

За окном мелькнул знак полицейского участка – красный, как свежая рана.

У входа их ждал Митчелл, муж убитой женщины – худощавый мужчина с глазами, полными презрения, но все же сломленный горем. Когда Агнесс переступила порог допросной, он вскочил:

– Я ничего не знаю! – его голос взлетел до визга. – Зачем вы тратите моё время?! Я не виноват!

– И долго он так? – шепнула Агнесс начальнику участка, Стайлзу Мисчифу, который стоял в дверях, скрестив руки.

– Всё время, – вздохнул тот. – С самого начала. Кричит, бьётся в истерике, но ни слова по делу.

Агнесс шагнула ближе. Митчелл отпрянул, будто она излучала холод.

– Вы боитесь, – тихо сказала она. – Но не нас. Кого-то другого.

Он замер. В глазах – вспышка ужаса. Потом снова:

– Уходите! Уходите! – крики эхом отдавались в пустых коридорах.

Она вышла под этот шум, под дождь, который теперь лил стеной, смывая следы на асфальте.

Барни догнал её у машины:

– Что думаешь?

Агнесс достала платок, вытерла капли с лица.

– Думаю, он нас такими темпами всех перебьёт. Всех вырежет из реальности. Но мы не будем молчать, обязательно дадим ему отпор, слышишь?

Мотор завёлся с рыком, и машина рванула вперёд, оставляя позади крики и дождь, который всё не прекращался.

В машине Барни тихо спросил, не отрывая взгляда от дороги:

– Ничего?

Агнесс молча покачала головой. Дождь стучал по крыше, будто отмерял секунды их неудачи.

– Муж Линден тоже не сотрудничает, – продолжил Барни, сжимая руль. – Натравил электронных собак на моего помощника. Тот еле ноги унёс.

Она провела пальцем по запотевшему стеклу, рисуя невидимые узоры.

– Нужно сбить слежку, – наконец произнесла она. – Поедем в супермаркет.

Через двадцать минут они припарковались у ярко освещённого входа. Ливень не утихал – капли разбивались о асфальт, создавая мириады крошечных взрывов.

– Берегите себя, мистер Уинстон, – сказала Агнесс, открывая дверь.

– Взаимно, мисс Мёрфи, – кивнул он, и в его глазах мелькнуло что-то неуловимое – то ли тревога, то ли забота за ту, которая перестала отвечать ему взаимностью.

Дома Агнесс сразу прошла к ноутбуку. Дождь за окном превратился в сплошной занавес, отделяющий её от остального мира.

Письмо от Барни ждало в почтовом ящике:

«Некто, представившийся родственником Митчелла, заплатил за него огромный залог. Камера не запечатлела плательщика – будто он... не существует. Теперь Митчелл дома. И, думаю, смеётся над нами. Найти этого „некто“ невозможно».

Агнесс закрыла ноутбук. Экран погас, отразив её усталое лицо.

– Тупик, – прошептала она.

Тишина. Только дождь. Только мысли, кружащиеся в голове, как листья в водовороте.

На следующий день супермаркет встретил её гулом голосов и ярким светом. Она толкала тележку, механически складывая продукты, когда вдруг услышала:

– Послание от младшего Амура!

Агнесс замерла. Перед ней стоял парень в чёрных очках, с улыбкой, слишком белой, чтобы выглядеть естественной.

– Агнесс Мёрфи, – его голос был ровным, без эмоций, – советую прекратить свою деятельность в разрушении устоев старших Амуров. Иначе о тебе завтра напечатают в газетах.

Он говорил так, будто зачитывал заранее подготовленный текст.

– Всё? – спросила она, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

– Да, – он бросил шоколадку на кассу, и та звонко ударилась о мрамор. – Приятного дня. И исчез.

Агнесс оглянулась. Люди шли мимо, толкали тележки, смеялись – будто ничего не произошло. Но в воздухе повисло напряжение, словно перед грозой.

Она медленно двинулась к выходу, чувствуя, как в груди нарастает холод.

«Это не просто угроза, – подумала она. – Это уже исполнение приговора. Они знают, что я от этой идеи ни за что не отступлю».

За дверью дождь лил с новой силой, смывая следы незнакомца.

Холодные капли дождя стекали по лицу Агнесс, смешиваясь с испариной от волнения. Она машинально сунула руку в карман плаща – там лежала визитка, которую Эллисон вручила ей вчера. Подруги знали друг друга с детства: вместе переживали школьные передрыги, делились секретами, поддерживали в трудные времена. Именно поэтому Агнесс доверяла интуиции Эллисон, хотя сейчас ситуация казалась абсурдной.

В памяти всплыл их короткий разговор: подруга говорила о некоем Джоне М. как о человеке, способном решить «невозможные проблемы». Эллисон тогда выглядела непривычно серьёзной, будто речь шла о чём-то жизненно важном.

Решив не терять времени, Агнесс быстрым шагом направилась к знакомому кафе на углу – туда, где они договорились встретиться с Эллисон. Тёплый свет ламп уже виднелся сквозь пелену дождя, обещая хоть каплю уюта в этом хаосе.

Эллисон уже ждала за столиком у окна, нервно помешивая кофе. Увидев Агнесс, она наклонилась вперёд, словно собиралась поделиться тайной:

– Я уверена, он тебе поможет. Это не просто слова – я слышала истории о нём. Люди попадают в безвыходные ситуации, а он вытаскивает их, будто по волшебству.

Агнесс внимательно посмотрела на подругу. Эллисон редко проявляла такую настойчивость – обычно весёлая и беззаботная, сейчас она выглядела встревоженной, почти умоляла довериться. Это насторожило, но одновременно укрепило веру в искренность её намерений.

– Откуда у тебя эта визитка? – Агнесс почувствовала, как в груди нарастает тревожное покалывание. – И почему ты думаешь, что он сможет помочь мне?

– Подруга дала, – Эллисон пожала плечами, но глаза её бегали. – Она сама обращалась к Джону М., когда её жизнь пошла под откос. Говорит, он не задаёт лишних вопросов, просто делает своё дело.

Агнесс на мгновение закрыла глаза, пытаясь осмыслить услышанное. Визитка казалась обычной – плотная бумага с тиснением, словно из другого века. Но сейчас это не имело значения. Если Эллисон, всегда осторожная в советах, так настаивает...

«Это точно ловушка», – мелькнуло в голове. Но выбора не было.

– Ладно, – сказала она твёрдо. – Я попробую.

По адресу с визитки стоял дом – не то старинный особняк, не то иллюзия, сложенная из тумана и лунного света. Агнесс подошла ближе и услышала голоса за дверью:

Один – Митчелл, дрожащий, умоляющий:

– Сэр, можно продлить сроки? Я найду деньги, правда...

Второй – холодный, с ледяной насмешкой:

– Вы должны выполнить обязательства. Иначе – смерть.

– Но я же заплатил! Дом, машина...

– Не деньгами, – голос стал тише, но от этого ещё страшнее. – Сегодня вечером жду минуты одолженных у Амуров. Не придёте... – пауза, наполненная тишиной, гуще самой тьмы, – ...и ваше собственное время оборвётся.

Агнесс отпрянула. Дверь с треском распахнулась – Митчелл вылетел, бормоча проклятия, глаза его были пусты, как у человека, увидевшего собственную тень в последний раз.

Она дождалась, пока он скроется за поворотом, и постучала.

– Кто там? – голос изнутри изменился: мягкий, певучий, почти ласковый.

– Я по поводу рекламы... – Агнесс сжала визитку так, что края впились в кожу.

– Сожалею, сегодня не принимаю. Подождёт ли ваша проблема до завтра?

– Да, конечно, – она отступила, но уже знала: это он.

Тот, кого она не видела годами, но чей образ жил в её снах – не как воспоминание, а как шрам, который время от времени начинал гореть.

Дождь хлынул стеной, будто небо прорвало. Агнесс укрылась под навесом, капли стучали по козырьку, отбивая ритм её мыслей:

Вот она целует Джона в квартире, подаренной родителями. Тепло его рук, запах кофе, смех – всё настоящее, всё живое.

Вот появляется Барни – и судьба сворачивает на другую тропу. Слова, взгляды, решения, которые меняют орбиты миров. Вот Джон исчезает. Вот Барни начинает задавать вопросы, на которые нет ответов.

Вот она сама стоит под дождём, держа в руке визитку, которая, кажется, пульсирует, как сердце.

– Почему именно сейчас? – прошептала она, но вопрос растворился в шуме ливня.

Где-то вдали прогремел гром – не как предупреждение, а как подтверждение.

Агнесс достала визитку. Буквы больше не мерцали. Они горели, выжигая на ладони след: «Ты уже в игре. Беги или сражайся».

Она сжала пальцы. Бумага превратилась в пепел, а на коже остался узор – тонкий, как трещина на стекле, ведущий куда-то... внутрь.

Солнце выглянуло на мгновение – луч скользнул по мокрой мостовой, словно пробуя мир на ощупь. Но дождь тут же вернулся, ещё яростнее, будто небо решило смыть все следы.

Агнесс стояла под навесом, сжимая в руке пепельный след от визитки. Капли стекали по лицу, смешиваясь с холодным потом. Она не знала, за какую ниточку ухватиться. И боялась стать следующей жертвой.

Телефон завибрировал в кармане. Она выхватила его, будто это был спасательный круг.

– Джерри? Привет! – голос дрогнул, но она попыталась улыбнуться. – О! Хочешь сюрприз? Какой? – пауза. – Алло? Алло?

Тишина. Только дождь стучал по козырьку, отбивая ритм её нарастающей паники.

Страшная догадка пронзила сознание, как молния:

«Мое время истекает... Пора применить план в действие».

Агнесс рванулась домой. Дверь хлопнула, ключи упали, но она не стала их искать. Влетая в квартиру, она сметала вещи на ходу:

Чемодан – на кровать.

Ноутбук – в сумку.

Паспорт – в карман.

Руки дрожали, но движения были чёткими, отработанными, как у солдата перед боем.

«Только бы успеть. Если я умру раньше времени, то Эллисон останется одна разбираться с этим кошмаром. Я не могу так с ней поступить!» – мысль билась в голове, заглушая шум дождя за окном.

Она метнулась к компьютеру. Пальцы стучали по клавишам, пока на экране мелькали варианты рейсов.

Билет куплен.

В такси она сжимала ручку сумки так, что ногти впивались в кожу. Город проплывал за окном – размытые огни, серые фасады, люди под зонтами. Всё казалось ненастоящим, будто она уже покинула этот мир.

В самолёте кресло дрожало от взлёта, но Агнесс не замечала. Её пальцы бегали по экрану ноутбука:

«Барни, приступаю к плану. Обстоятельства требуют, он подобрался ко мне слишком быстро. Держи меня в курсе. Если что – действуй без меня, нам надо закончить проект с Землей 5».

Она нажала «отправить» и откинулась на спинку кресла. За окном – только облака и тьма.

Экран ноутбука вдруг моргнул. Появилось новое письмо. Отправитель: неизвестно.

Тема: «У тебя ничего не получится».

Агнесс открыла его. Внутри – одна строка:

«Перенос невозможен, у тебя не хватит на это сил. Советую тебе отступить».

Она хотела ответить, но интернет пропал. Самолёт вошёл в зону непогоды.

За иллюминатором сверкнула молния. На мгновение ей показалось, что она видит силуэт – знакомый, с фиолетовыми глазами. Он смотрел на неё, и в его взгляде было... сожаление?

– Нет, – прошептала она. – Я не сдамся.

Самолёт тряхнуло. Где-то впереди, в темноте, ждала другая реальность.

И Агнесс знала: чтобы уйти в тень, ей придётся шагнуть туда... даже если это будет последний шаг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.